

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

**СТАНИСЛАВ
БЕЛКОВСКИЙ**

**РУССКОЕ
СЧАСТЬЕ
ПО-ПУТИНСКИ
ЧТО НАМ НАДО**

Проект «Путин»

Станислав Белковский

**Русское счастье по-
путински. Что нам надо**

«Алисторус»

2016

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

Белковский С. А.

Русское счастье по-путински. Что нам надо / С. А. Белковский —
«Алисторус», 2016 — (Проект «Путин»)

Станислав Александрович Белковский – писатель, публицист, по праву считается одним из лучших политологов России. В своей новой книге он отвечает на извечный русский вопрос: в чем наше счастье, что нам для этого надо? Станислав Белковский показывает состояние российского общества за последний год и делает неожиданные выводы. Оказывается, Владимир Путин действительно сделал миллионы людей счастливыми, потому что понимает психологию русского народа. Русский человек может добиться результата и стать счастливым только в условиях катастрофы и аврала, пишет Белковский, поэтому президент увлеченно заваливает Россию катастрофическими авральными проектами – от сочинской Олимпиады до присоединения Крыма и «антисанкций» в ответ на западные санкции. Как долго еще будет продолжаться это «русское счастье», придем ли мы когда-нибудь к стабильной, обеспеченной жизни, есть ли у нас выход из бесконечной череды катастроф – Станислав Белковский намечает пути для этого.

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

© Белковский С. А., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Простое русское счастье	5
Формула маленького человека	5
Двигатель русской души	8
Жить не напрягаясь	11
Непотопляемая водка	14
Простое русское счастье	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Станислав Белковский

Русское счастье по-путински. Что нам надо

Простое русское счастье

Формула маленького человека

Есть такой старый короткий анекдот.

Умирает Рабинович (уточнение: наш, русский, православный Рабинович). Предстает пред лицом апостола. Сумбурно отчитывается за прожитую жизнь. Получает, как ни странно, направление в рай. И на радостях задает апостолу запрещенный вопрос:

– А вы не подскажите, в чем, собственно, был смысл моей жизни?

– А помнишь, – отвечает апостол, – в 1987 году в вагоне-ресторане поезда Москва – Ростов тебя попросили соль передать?

– Ну?..

– Ну вот...

Русский человек неплохо умеет совершать подвиги. Со знаками «плюс» и «минус». Но вот бремя обыденной жизни, в которой нет места подвигу, дается нам гораздо труднее.

Одна из невыносимых русских проблем – честно, официально, на полном серьезе признать себя маленьким человеком. Признать необратимо. Как факт и данность.

Среднему европейцу в этом плане почему-то гораздо легче. Свою протяженную, пожизненную обыденность он воспринимает как должное.

Родился, учился, честно каких-нибудь 50 лет служил официантом, платил скромные налоги, женился (вышла замуж), породил детей, воспитал их, прочитал несколько книг (5–6, а зачем больше, когда и в тех все написано?). Когда дети выросли, научился путешествовать, посмотрел мир, закончил строительство дома. 30 000 недель подряд не забывал поливать жасминовые кусты. Болел за «Баварию» или «Ювентус», когда-то даже взял автограф у самого... Арьена Роббена, Фернандо Торреса – нужно подчеркнуть. Бывал в церкви, не причащался, но исповедовался. Посмотрел 128 телесериалов по 256 серий каждый, собрал коллекцию бронзовых колокольчиков, отмечал юбилеи в кругу семьи, дождался правнуков, умер. Всё. Не тянет ни на героический роман, ни на волшебную сказку.

Этот средний европеец тоже кому-то когда-то передал соль. И частенько бывал счастлив. Совершенно не зная, что он, по нашему Константину Леонтьеву, есть, оказывается, орудие всемирного разрушения. Возможно, он даже думал, что имеет отношение к машине всемирного созидания – как ее рядовой мирный винтик, коих миллиарды и мириады.

Можно еще по-умному сказать, что маленький ничтожный обыватель шел срединным путем, который и есть путь культуры (по Аристотелю).

Но это не наш путь. В чем мы давно убедились.

Мы привыкли жить в огромном труднозаселенном пространстве на краю суши. И оттого остро, хотя бы и бессознательно, ощущаем свою оторванность от остального мира. Опять же – и в хорошем, и в плохом смысле. Тот же Константин Леонтьев сказал, что русский человек умеет быть святым, но не умеет быть честным. Из этого сырья можно, как известно, сделать икону Спаса или дубину народной войны, но только не платяной шкаф системы ИКЕА.

Маленький человек, как мы знаем, – распространенный персонаж русской литературы. Примеров столько, что их даже не надо и приводить.

Маленький человек вызывает, как правило, острый приступ жалости. Проистекающий из самой безнадежности его существования. Он мог бы стать большим – но это не получилось. По объективным социальным причинам. Тогда он превращается в среднекрупного монстра. В просто тихого алкоголика, ускоренно сокращающего бессмысленную жизнь. В убийцу, справедливого в запальчивости и раздражении. Или даже в посмертного вампира, готового отомстить прижизненному миру простых людей.

В общем, выходит из невыносимости обыденного существования в мир подвига, пусть даже и с тем самым знаком «минус».

Маленького человека, как он описан мейнстримом великой русской литературы, можно воспринимать очень сострадательно или слегка презрительно. Но никогда – нейтрально/уважительно.

А ведь в жизни наступает момент, когда ты должен ответить себе, кто ты: маленький человек или фронтмен мировой истории. Можно признать первое – и зажить скучнейшей европейской жизнью. Которая чем правильнее, чем тошнотворнее. А можно все-таки, вопреки объективной наличной реальности, причислить себя к лику героев. Для этого есть несколько технологических способов.

1. Вписать себя в некую великую эпоху.

Возьмем, к примеру, нашу эпоху. Еще недавно, в ее преддверии, все было трудновыносимо скучно. Другое дело – ныне, после февраля-марта 2014-го. Мы присоединили Крым. У наших границ началась всамделишная война. Вроде как за права русских и собирание т. н. Русского мира. Ничего, что русские из сопредельных государств хотят скорее остаться там, где они сейчас есть, и ни о каком русском мире, достигаемом путем войны, не просили. Наша задача – нести человечеству счастье. Независимо от того, правильно ли понимает человечество его условия и параметры.

Как только эпоха буржуазной тоски сменилась временем постбуржуазной доблести, провинциальный обитатель пропыленного дивана ощутил себя героем. И уже по факту стал им. Ведь великие события происходят при нас, а значит – вроде как и благодаря нам. Среди моих знакомых, добрых и не очень, есть как минимум 127 человек, считающих себя идеологами «Русской весны», авторами грандиозных побед на Донбассе, хранителями тайны всемогущего ядерного оружия и т. п.

Жизнь – удалась. Ради ощущения принадлежности к сообществу больших людей мы, конечно, готовы отказаться и от импортной колбасы, и от остатков свободы слова. За великую эпоху мы бы отдали и свою зарубежную недвижимость, если б она у нас была. Правда, наше новейшее самоощущение несколько пахнет смертью, но уж так исторически повелось: для нас, как верно напомнил нам Президент РФ во время весенней прямой линии с народом, на миру и смерть красна.

2. Найти себе альтернативную идентичность.

Бывает, например, что человек совершенно традиционной сексуальной ориентации объявляет себя геем. И даже становится активным борцом за гей-права. Почему? Потому что быть гетеросексуалом невероятно скучно. Особенно если в твоей практической действительности нет предметного секса. Лучше уйти в параллельную половую реальность и там стать тем самым фронтменом.

Или можно взять псевдоним. Например, простой Иван Иванович Хаймович становится сложным Раулем Мигелем

Сааведрой. И в собственном представлении сразу превращается, скажем, в троюродного прапрапраправнука Христофора Колумба. Точно знающего, где спрятано золото партии. Больше по жизни уже можно ничем не заниматься. Кроме как укреплением и развитием своей новой идентичности, разумеется.

3. Пойти на радикальное снижение уровня своей жизни (дауншифтинг).

Например, начать жить в собачьей конуре. Чтобы все рассуждали, отчего и почему ты так поступил.

Мотивация: аморально жить в буржуазной недвижимости, созданной из пота и крови трудящихся. Заодно можно не отдавать долги, ибо какой спрос с человека, переехавшего в собачью конуру.

4. Совершить большое моральное преступление.

Например, взять и опубликовать многолетнюю тайную переписку с кем-нибудь из близких друзей. Чтобы несколько дней социальные сети об этом вкусно говорили.

Мотивация: нет больше моральных сил скрывать частную тайну, и, будучи не банальным обывателем, но человеком сверхъестественно высоконравственным и вообще героем, я решил предать ее гласности!

5. Совершить большое физическое преступление.

Какое именно, советовать не будем. А то еще обвинят нас в подстрекательстве. И пойти за него в тюрьму. Потому что удел героя – тюрьма. Пресная свобода – удел сверхобычного человека.

6. Спится и/или сторчатся.

Состояние измененного сознания всегда приносит чувство превосходства над окружающими. А предельное ускорение физической жизни дает ответ на вопрос, что делать с бременем времени.

Но если вы ищете способ избежать вышеперечисленных вариантов (и еще пары дюжин аналогичных), то задумайтесь: сколь сладостно и почетно все-таки быть маленьким человеком!

Когда последнего китайского императора династии Хань Сянь-ди (III век нашей эры) пришли свергать с престола и убивать, он возразил этому намерению так:

– Мы (императору положено называть себя во множественном числе. – С. Б.) талантами не обладаем, но и большого зла не совершили.

Это, пожалуй, и есть формула оправдания маленького человека. В мире, где добро и зло могут быть одинаково банальны, уклонение от зла – уже есть добро.

Не надо рассчитывать на подвиг, если он тебе не по плечу. Не надо делать из себя героя, ибо героев не может быть слишком много.

Вспомните, сколько счастья, если разобраться, даровано обыкновенному обывателю. И никогда не забывайте про соль, которой Господь вас не обнесет.

2014 г.

Двигатель русской души

Некоторые, заметные многим свежайшие перемены во внешне-внутренней политике нашего Отечества влекут за собой последствия, и весьма благоприятные – только не осознаваемые нами сразу и совершенно.

Благодаря ужесточению позиций властей по многим вопросам, равно как и безупречному единению огромного большинства народа вокруг темы «Крым наш», публицист-комментатор получил возможность не заморачиваться текущими политическими интригами и скандалами, которым еще недавно он уделял столько безжалостного времени. В конце концов, кому будут нужны все эти мелкие сюжеты хотя бы год спустя, и стоит ли изводить на них, вместе с компьютерной памятью, благосклонное внимание окружающих? Нынче есть возможность заняться сюжетами большими, историческими, и вряд ли стоит упускать такой момент.

Еще недавно мы могли считать, что главное событие 6 июня 2014 года – это, скажем, саммит в Нормандии, где серьезные мировые лидеры собираются в честь 70-летия высадки союзных антигитлеровских войск. И судьба мира, особенно в украинской его части, во многом зависит от того, получится ли разговор Барака Обамы с Владимиром Путиным. А если получится, то каким – по духу, тону и психологии.

А сейчас мы можем вспомнить, что союзники высадились в Нормандии как раз в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, и посвятить часть своих переживаний – ему.

Повод вспомнить Пушкина в России есть всегда. Каждый день. Но сегодня я привлек бы внимание читателя к тому, что А. С. – в некоторой степени основоположник, классик и систематизатор российской политической философии. В том смысле, что он прежде многих дал нам незамутненный общественно-политический портрет базового обитателя наших тутошних мест – русского человека. Наш общий и отдельный портрет.

Если мне когда-нибудь пришлось бы преподавать любознательной молодежи что-то из политической теории, я начал бы с курса Пушкина. Или даже с совета перечитать нашего главного классика.

Если какой въедливый критик зачем-то заинтересуется этим текстом, он сможет сказать мне, что сам термин «политическая философия» использован здесь весьма условно и не вполне точно. Готов принять этот упрек сразу и с гнетом его двигаться дальше. «Пугливыми шагами».

1. А. С. Пушкин дал и показал нам важнейшую русскую общественно-политическую идею – идею инобытия.

Политика, в общем, находится за гранью русской практической реальности, она же и повседневность. Понятия типа «местное самоуправление» или «гражданские обязанности» звучат слишком скучно и оттого нам несколько чужды. Вот войны, революции, всякие прочие фатальные катастрофы – это то, что надо. Чтобы оказаться в политике, русский человек должен выйти за пределы своего банального наличного бытия и оказаться в некоем зазеркалье. Этим мы существенно отличаемся от европейцев.

Тяготение к инобытию проявляется в доминировании двух важных склонностей, живущих в русском человеке бессознательно: а) к самозванству; б) к побегу.

Самозванство – это решительно-отчаянная попытка найти себе альтернативную идентичность. Потому что изначальная идентичность, данная Богом, родителями и страной, вполне устраивать не может. Русский человек вообще любит не ценить то, что у него есть, и ценить то, чего нет. В этом плане мы – стихийные реформаторы, чей порыв в иное измерение сдерживается крепостью и суровостью нашего исторического государства. Как только хватка государства ослабевает, начинается такое переустройство, что хоть святых выноси.

«Борис Годунов» дает нам сразу двух самозванцев, связанных между собою подобно головам державного герба. Самозванец – не только Григорий Отрепьев, но и сам царь Борис,

тоже получивший трон не вполне корректным образом. Притом настоящий, правильный самозванец всегда отличается тем, что верит в собственную альтернативную идентичность чуть более, чем полностью. Вроде как на самом деле считает себя царем или кем-то еще подобным. В этом смысле уже и не так важно, кем самозванец является на самом деле. «Димитрий я или нет, что им за дело?» Самозванец – большой актер, который на сцене полностью перевоплощается в персонажа, становится неотделимым от него. Главное – чтобы спектакль продолжался как можно дольше, в идеале – до земной бесконечности. И Емельян Пугачев, пушкинский и непушкинский, никогда не добился бы стартовых побед, если бы не объявил себя Петром III. Ведь какой толк в нашей России жить и гибнуть НЕ за царя?

Не случайно, как принято считать, именно Пушкин дал Гоголю сюжет «Ревизора».

Самозванство – это форма побега, так сказать, по вертикали. Из одного существа – в другое. А есть и побег по горизонтали, тоже проявление тяготения к инобытию. «Давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег». Куда бежать – непонятно, но важно не терять надежды, что побег все же возможен. Здесь – природная русская клаустрофобия. Выражающаяся хотя бы в том, что всякое расширение территории считается благом, независимо от последствий. А всякое сокращение территории порождает рефлекторное удушье. Каким будет наше счастье, если – и когда – мы все-таки прорвем турецкие проливы (Босфор, Дарданеллы) и окажемся прямо на Средиземном море, о!

Еще формы вертикального побега – безумие (Германн в «Пиковой даме», Евгений в «Медном всаднике»). И, конечно, смерть. Которая в России бывает вполне предпочтительнее обыденной жизни.

2. Добрый русский царь – это злой царь.

Государство не воспринимается нами как друг, сподвижник или тем более слуга. Оно – строгий учитель. Призванный выбить из нас природную дурь всеми доступными и недоступными способами. Фамильярность с учителем невозможна, иначе его указки перестанут бояться. Страх – основа легитимности. Мы часто благодарны злому царю за добрую науку, но не спешим благодарить за милости и послабления, которые более свойственны правителям ничтожным. «Я думал свой народ в довольствии, во славе успокоить, щедротами любовь его снискать, но отложил пустое попечение: живая власть для черни ненавистна. Они любить умеют только мертвых – безумны мы, когда народный плеск или ярый вопль тревожит сердце наше!» («Борис Годунов»).

Уже, кажется, все сказано про Иосифа Сталина, но мы не перестали его премного уважать. Один очень известный актер, ныне, увы, уже покойный, жаловался на то, что очень хотел сыграть Сталина смешным – но это так и не получилось. А вот сделать посмешище из Горбачева или Ельцина – чего проще! Нынешняя власть это во глубине души хорошо знает. Образование и всякое прочее здравоохранение – абстракции, подлинная цена которым неясна. То ли дело национальная безопасность – вот это вещь конкретная. Чтобы народ не вышел из берегов, его надо держать в узде, во его же собственное благо. Ибо без строгого (м)учителя-государства заблудится этот народ в истории, потеряется и пропадет. А еще одной революции мы не переживем.

3. Волшебный фарт – вот двигатель русской души.

В России ничего не может быть постепенно, умеренно, аккуратно. Всякие слишком длительные реформы обречены уже потому, что они длительные. Счастье достигается только чудесным образом, оно не есть банальный результат протяженного эволюционного пути.

«Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои верные три карты» – заговаривает себя Германн в «Пиковой даме». Но заговаривает напрасно. Три карты, действительно способные изменить его судьбу, – тройка, семерка, туз, иначе никак. Он идет на авантюру, ведущую к безумию и смерти. Это лучше, чем расчет, умеренность и трудолюбие.

Не обещайте русскому народу долгих лет добросовестного труда. Обещайте чудо: в него поверят гораздо скорее – и простят вас, если (и когда) чуда не произойдет. В крайнем случае, всегда можно убедить себя, что оно-то и свершилось.

4. Земная власть не ограничена никем и ничем, кроме власти неземной. Над людьми земная власть тотальна, перед неземной – ничтожна. В этом смысле тотальность и ничтожество – одно целое.

Вот, к примеру, «Медный всадник», политический пейзаж с наводнением. «В тот грозный год покойный царь еще Россией со славой правил. На балкон печален, смутен вышел он и молвил: с Божией стихией царям не совладеть».

5. Главное русское счастье – вовремя уйти. Уйти по собственному выбору, а не по воле других. Здесь мы вновь обращаемся к побегу.

«Блажен, кто праздник жизни рано оставил, не допив до дна бокала полного вина, кто не дочел ее романа и вдруг сумел расстаться с ним» («Евгений Онегин»).

Я всегда считал «Моцарта и Сальери» пророчеством о самоубийстве Пушкина. А Дантеса – орудием и другом Александра Сергеевича.

Хотя, возможно это вовсе не так.

О политической философии Пушкина еще можно написать диссертацию. Но сейчас это все так дискредитировано... Подождем лучших времен.

Ждать – также одно из любимых русских занятий.

2014 г.

Жить не напрягаясь

Депутаты законодательного собрания Санкт-Петербурга вышли с инициативой ввести (точнее – вернуть из советских времен) уголовную ответственность за тунеядство. Еще раз напомнив нам тем самым о священной роли труда в нашей жизни. Проблематика тунеядства мотивировала меня порассуждать о труде в России. В нашей истории и современной жизни.

Классическое русское отношение к труду прекрасно сформулировал писатель Андрей Новиков-Ланской, которого в данном случае было бы обидно не процитировать.

«В связи с разговорами о тунеядстве и пр. имею заявить следующее. Труд – очевидное и неприкрытое зло. Труд превратил человека в обезьяну. Вместо того чтобы размышлять о высоком, творить, познавать и совершенствовать себя, человек вынужден тратить драгоценное время жизни и энергию на бессмысленный механистический труд, превращающий его в роботоподобную машину. Когда Христос говорит «Будьте как дети» и «Будьте как птицы», он имеет в виду именно это – прекращайте трудиться и займитесь уже, наконец, собой. Все это, разумеется, относится к подневольному вынужденному труду. Творческая, плодотворная, подвижническая работа – это уже не просто труд, а служение – совсем другое дело».

Умри, Новиков-Ланской, лучше не скажешь!

В школе нас учили – со ссылкой на Фридриха Энгельса – что как раз наоборот: обезьяна выбилась в люди благодаря труду. Дескать, и заговорила эта обезьяна человеческим голосом, т. е. обрела членораздельную речь, потому что не могла работать молча – в силу переполнявшего ее трудового восторга. И тогда Чарльз Дарвин в процессе эволюции переделал обезьяне гортань, чтобы из животного рта начал доноситься некий вменяемый текст.

Правда, нам тут же объясняли – уже по Карлу Марксу – про отчуждение труда, которое делает работника заведомо несчастным. Но это, нам говорили, случается лишь при капитализме, где эксплуататор, эксклюзивно владеющий средствами производства, присваивает результаты чужого труда. А при социализме и грядущем коммунизме труд становится непреходящей радостью, коей не испытывали и молчаливые приматы доисторических времен.

Но все это, воля ваша, звучало как-то неискренне. И даже сами учителя/преподаватели предательски вздыхали, рассуждая о благотворной роли труда. Не верилось им самим в тщательно произносимый текст.

И вспоминались в те академические часы чеканные русские пословицы – от «работа дураков любит» до «с трудов праведных не наживешь палат каменных».

Нет ничего более чуждого русскому космизму, чем регулярный последовательный труд. Чтобы долго-долго работать в одной точке пространства, возделывая свой сад (вариант: подстригая уимблдонский газон), наш темперамент не предназначен. Не случайно труд у нас проходит по категории подвига. Отсюда и «трудовая доблесть», и звание «Герой труда». Закрывать амбразуру дзота порой оказывается легче, чем нудно выполнять в протяженном времени порученное тебе – кем-то или даже самим собою – задание.

Специалисты говорят, что такое отношение к труду сформировалось у нас издревле, из-за нестабильного климата и неплодородных почв. Вот работаешь ты, работаешь на земле, а результат – все равно непредсказуем. Между трудозатратами и урожаями нет прямой причинно-следственной связи. А потому рождается представление, что ни количество, ни качество труда не связаны с успехом. Как и наоборот.

Может, и так. А может, здесь есть и нечто глубоко религиозное. Ведь Господь оценивает заслуги человека не по труду, а по вере его и праведности. Работай, не работай – к попаданию в рай это существенного отношения не имеет. А если не в рай, то какой смысл?..

Вот в Европе, которую мы не любим, но с которой, даже по свежайшей версии спикера Госдумы Сергея Нарышкина, хотим слиться, дело обстоит несколько по-другому. Там работа

– привычный элемент банального добра. А никакой не подвиг. И героев труда в Европе не бывает. Ибо героизм здесь неуместен. Особенно это касается Севера Европы. Вот поэтому, наверное, Германия, проиграв подряд две мировые войны, как-то снова оказалась экономическим лидером континента. Способным кормить не только себя, но еще и Грецию, Испанию, Италию...

Но что немцу здорово – русскому, как известно, смерть. А умирать-то пока не хочется.

Как, впрочем, не хочется и просто так, обыденно жить. Жить хочется изощренно, изобретательно, с подвохом, чтобы окружающие народы и государства смотрели с завистью и подозрением. Труд же – это сверхобыденно. Ни зависти, ни подозрения он не вызывает.

«Нас жизнь томит, как тяжкий путь без цели, как пир на празднике чужом».

В самом русском словосочетании «человек труда» есть что-то горделиво-жалостливое, как в смертельном диагнозе. Скажешь о ком-то «он (был) человек труда» – и хочется проследить за ним.

Русский труд по определению не приносит удовольствия – он отнимает время от удовольствий. Лучше всего это понимают бомжи, люмпены и прочие социальные маргиналы, которые четко отграничили актуальное доступное удовольствие от потенциального несбыточного труда. Как говорил горьковский Сатин из пьесы «На дне», «сделай так, чтоб работа была мне приятна – я, может быть, буду работать... да!.. Когда труд – обязанность, жизнь – рабство!».

А помните мрачноватый околополитический анекдот советских времен про Рабиновича у газетного киоска: «Правды» нет, «Россию» продали, один «Труд» остался»? Это ли не квинт-эссенция противопоставления мучительной процедуры труда сакральным образам Правды и России? А можно понять и так: где труд, там не может быть ни Правды, ни России.

Есть еще один важный элемент всей этой смысловой конструкции. Труд в России никогда не вознаграждается. То есть – не вознаграждается по заслугам. Посредством работы невозможно стяжать денег. Деньги – настоящие, в правильном понимании этого слова, – можно получить тремя путями:

- родиться в семье большого начальника и стать со временем членом правления какого-нибудь «Газпрома» или ВЭБа;
- выгодно жениться (выйти замуж);
- украсть.

Иными словами, деньги у нас образуются исключительно сразу и методом обыкновенного чуда. К труду/работе они никакого отношения не имеют. Потому классический русский человек, когда ему нужны деньги, как правило, не ищет работы. Ибо незачем.

Философию нашего отношения к работе хорошо понимал величайший тиран русской истории Иосиф Сталин. Потому для индустриализации СССР он создал ГУЛАГ – жесточайшее в истории учреждение для принуждения к труду.

Эту же философию неплохо знает и нынешний великий правитель РФ Владимир Путин. Он ясно видит, что русский человек может добиться трудового результата только в условиях катастрофы, аврала, когда дедлайн дышит в спину и сроки перенести совершеннейшим образом нельзя. Потому президент увлеченно заваливает Россию авральными проектами – от сочинской Олимпиады и саммита АТЭС на острове Русский до чемпионата мира по футболу-2018. Да и про западные санкции ВВП рассуждает в том же духе: чтобы мы начали чего-то делать, нас нужно поставить в безвыходное положение. Потому санкции – не только зло (в краткосрочном измерении), но и добро (вдолгую). Ничего мы бы никогда не импортозаместили, если б не санкции. А так, может, и заместим.

И все разговоры о том, что мы выгоним из России гастарбайтеров, – от лукавого. Выгнать можно кого угодно, разумеется. Вот только не станем мы сами методично мести дворы. Не русское это занятие, честное слово.

Труд – процесс эволюционный. «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». А русское сознание – революционное. Мы должны прыгнуть из одного агрегатного состояния в другое, минуя все промежутки. Отрицая компромиссы и полутона.

Не случайно Россия стала первой страной победы коммунистического проекта (впоследствии развалившегося и провалившегося, но это другая история). «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям» – вот формула нашей мечты. Ресурсов же для удовлетворения потребностей у нас полно.

Россия – очень богатая страна, как известно. И богатство это – нерукотворное и немозготворное. Господь Бог засунул нам в недра нефть и газ, чтобы исполнить нашу истомленную душу непритворным весельем. И сама концепция «энергетической империи» – отсюда же. Жить надо не напрягаясь. В кайф. «Используй то, что под рукою, и не ищи себе другое».

2015 г.

Непотопляемая водка

Бывает, залезешь с утра в Википедию и вспомнишь такое, отчего замирают руки и наворачивается сердце. Юность, бедную и прекрасную, вспоминаешь.

Вот, к примеру:

«16 мая 1985 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения», который подкреплял эту борьбу административными и уголовными наказаниями. Соответствующие Указы были приняты одновременно во всех союзных республиках».

Многие политики и эксперты (например, покойный Егор Гайдар) считали и считают, что СССР рухнул из-за резкого падения во второй половине 1980-х годов цен на сырую нефть, спровоцированного Саудовской Аравией и Ко. Я традиционно придерживался иной точки зрения: Родина моя прекрасная прекратила свое сверхдержавное существование из-за морально-исторической дискредитации коммунистического проекта. Ради которого Союз Советских Социалистических Республик (согласитесь, государство с таким названием могло бы существовать в любой части суши, никакой территориальной или этнической привязки в гордом словосочетании нет), собственно, и создавался.

Но я готов принять и компромиссную позицию: не из-за нефти и не ввиду идеологического краха коммунизма распался СССР, а из-за водки. В широком и глубоком смысле слова «водка». А что вообще может быть в России шире и глубже, чем водка? Она велика, как евразийский харт-ленд, и глубока, как глаза любимой женщины.

Я в 1985 году вообще не пил – читателю трудно в это поверить, но придется – однако же антиалкогольный абсурд той эпохи помню хорошо. Помню, как к 11 утра выстраивались поистине похоронные очереди к магазинам. Как устраивались «безалкогольные свадьбы». (Не знаю, что должна быть за женщина, согласная и готовая выйти замуж за устроителя безалкогольной свадьбы.) Помню, как в Центральном конструкторском бюро Госкомнефтепродукта РСФСР, где я тогда служил, устраивались авральные проверки на предмет, не хранит ли кто в столе или другом месте заветную бутылочку винно-водочного изделия. (В комнате отдыха при кабинете директора бутылочками был заставлен целый большой холодильник – а не какой-то там жалкий мини-бар гостиничного типа, – но на эту сакральную территорию проверки, вестимо, не распространялись.)

Михаил Горбачев тогда был всенародно прозван Лимонадным Джо и «минеральным секретарем». Город Винницу предлагали переименовать в Чайницу. А доходы бюджета СССР от продажи алкоголя упали в 1985-86 гг. на 30 (!) процентов. Вы можете себе представить последствия такого падения доходов, скажем, в сегодняшней РФ? И кто после этого скажет, что во всем виновата нефть?

В те легендарные времена появился самый смешной, по моему утлону чувству юмора, анекдот про чукчу. Звучал он так.

Приезжает чукча в Москву купить водки, ибо на Чукотке – Роман Абрамович был еще слишком молод – водки тогда не было в принципе. В аэропорту спрашивает: где у вас тут водку продают? Ему отвечают: вот как найдешь самую длинную очередь, становись в нее – водки и купишь. Возвращается чукча домой с пустыми руками. Сородичи его упрекают: что ж ты, блин, в столицу ездил, а водки так и не купил? А, говорит герой анекдота, ерунда какая-то приключилась. Я все сделал как мне сказали, встал в самую длинную очередь, отстоял полтора часа, а как до прилавка дошел, то продавец почему-то умер.

(Если кто-то не совсем понял, мораль такова: несчастный гость столицы стоял в Мавзолей В.И.Ленина.)

Уже в тот исторический момент мы должны были понимать – на внезапно трезвую голову, – что СССР обрекает себя на смерть. Но не понимали, молодые были. А Советский Союз – обрек.

А ведь таким же путем шла и Российская империя, предшественница СССР. В августе 1914 года император Николай II подписал сухой закон, разрешавший использование алкоголя только в медицинских целях. Можно подумать, мы принимаем алкоголь внутрь не в медицинских, а в каких-то иных целях, хе-хе. Водка есть важнейшее средство успокоения русской души, мятежной и мятущейся, и что может быть более медицинским?

Официально императорский престол и двор объясняли необходимость сухого закона уроками поражения в Русско-японской войне. Дескать, проиграли войну не из-за бездарности командования и не потому, что Николай II был несколько фатально оторван от жизни, а потому, что миллионы резервистов в определенное время дружно ушли в запой и их не удалось мобилизовать, т. е. отправить на заведомо проигрышную войну. Да-да, конечно. Политики и военные проигрывают все, что им доверено и поручено, а виновата наша водка. Мы все, типа, виноваты.

Известный Дэвид Ллойд Джордж, который тогда готовился стать премьер-министром Великобритании, сказал весьма иронично про российский сухой закон: «Это самый величественный акт национального героизма, который я только знаю». И он не ошибался.

Надо ли говорить, что Россия без водки скатилась в революцию, Брестский мир и гражданскую войну. Кстати, гражданская война в достаточной мере завершилась именно и только тогда, когда советские власти сняли антиалкогольные ограничения.

Нечто всерьез винно-водочное заложено в сам генезис нашей государственности. Как утверждает летописец Нестор (которого, возможно, в реальной действительности и не существовало, как коньяка Hennessy на прилавках советских магазинов), святой равноапостольный князь Владимир сказал: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти». Именно поэтому Российская Федерация под руководством князя Владимира приняла греческое православие, а не исламский ислам. А так, глядишь, по трезвяку могла бы исламизироваться и стала бы сегодня, скажем, частью ИГИЛа, т. е. халифата. И если мы (ну, условно мы) присоединяем Крым ради того, чтобы прижать к любящей груди место крещения св. Владимира в Корсуни, то мы должны в полном алкогольном объеме вспомнить, чем мы обязаны князю.

Водкой.

Если бы не он, мы нынче нервно курили бы в нашем историческом медвежьем углу траву. Во всех смыслах этого многогранного выражения.

Водка спасла нас от поглощения исламским миром. Поклонимся ей.

Водка (точнее, ее отсутствие) ликвидировала самое мощное тоталитарное государство в мире. И на руинах Берлинской стены, павшей в результате многих решений и страданий горбачевской эпохи, следовало бы поставить огромный памятник водке. К сожалению, немцы в основе и массе своей слишком аскетичны и сдержанны, чтобы согласиться с таким радикальным эстетическим решением.

Водка – это механизм и мерило русской свободы. Формула «с утра выпил – весь день свободен» родилась не случайно. Оковы нашего авторитарного общества/государства падают только с утра и только в определенных случаях.

Водка позволяет русскому человеку выжить в этих бесконечных снегах. В которых не выжили даже мамонты. Ибо не успели раскупорить судьбоносную жидкость, которая могла бы оставить их на поверхности Земли до наших, сегодняшних дней.

Водка адски согревает. И физически, и морально. Это тепло круче, чем любые результаты переработки углеводов.

Вкус водки слаще глубокого поцелуя фотомодели. Ты пробуешь, пробуешь ее – в смысле водку – и никак не можешь распробовать. Тот, кто назвал водку «горькой», просто в свое время решил постебаться.

Водка – это наш национальный феномен, актив и бренд. Коньяк и шампанское бывают только французскими, если подходить к этому серьезно. Водка – только русской, если подходить к этому серьезно. Мне никогда не были понятны люди, которые пьют условный Grey Goose. Это все равно что иметь в полном распоряжении пару-тройку лучших женщин России, а спать с дешевой вокзальной проституткой.

И я, конечно, истово рад, что моя Россия на втором тысячелетии существования заполучила – выстрадала – практически мудрых правителей.

Владимир Путин недавно определил важнейшей задачей государства не допустить серьезного роста цен на водку. В Москве разрешили ее продажу с 8 утра, а в Московской области – продлили до 23.00. А ведь еще недавно было до 21.00.

Вот потому-то, как верно недавно подметил солидер движения «Антимайдан», известный байкер Александр «Хирург» Залдостанов, Майдана у нас в РФ не ожидается.

С такой политикой нам и никакие санкции не страшны. И пусть проклятый Барак Обама подавится. Желательно русской водкой.

2015 г.

Простое русское счастье

До недавнего времени самой счастливой страной в мире считалось маленькое тихоокеанское Вануату (слышали про такое?). Но за все в жизни надо платить, а особенно – за счастье. В марте 2015 года на острова Вануату обрушился страшный ураган «Пэм», погубивший десятки людей и разрушивший 90 (!) процентов зданий в столице страны.

Место счастливейшего из государств оказалось вакантным. Но ненадолго. Ибо свято место пусто не бывает.

Заняла его, как вы уже, наверное, догадались, Российская Федерация. Достойный (право)преемник Вануату.

На днях Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал результаты исследований о счастье и несчастье, оптимизме и пессимизме россиян. Получилось примерно следующее.

Счастливыми считают себя 80 % наших сограждан. Притом 29 % – совсем счастливыми, а 51 % – скорее (т. е. почти совсем) счастливыми.

Кроме того, мы, т. е. россияне, считаем нынешнюю ситуацию в стране лучшей за 5 лет. Несмотря на падение рубля, инфляцию, войну в сопредельном «братском» (этот эпитет без кавычек уже и не используешь) государстве, закручивание гаек, нарастание духовно-скрепленного маразма и т. п.

Так называемый индекс социальных настроений (показывающий, как люди оценивают ситуацию в их собственной стране) достиг 70 пунктов – оказывается, это абсолютный положительный рекорд за всю историю измерений. Оценка россиянами их личной жизни – и того выше: 84 пункта. Рекорд рекордов.

(Примечательно, впрочем, что о личной жизни лучше всего отзываются небедные люди в возрасте от 18 до 24 лет. Ну еще бы: по анекдоту, чукча был тогда молодой, его девушки любили.)

А индекс социальных ожиданий, показывающий, как люди оценивают свое будущее, а не настоящее, с января по март вырос на 20 пунктов. Как утверждают социологи, положительная динамика связана с удвоением доли тех, кто уверен: тяжелые времена уже позади (с 11 % в январе до 22 % в марте с.г.).

В общем, жить хорошо, а станет еще лучше.

Правда ли все это? Можно ли доверять таким цифрам.

И да, и нет.

Уверен, что ВЦИОМ свою работу сделал профессионально и качественно, без каких-то там фальсификаций. В этом смысле цифры верны.

Формально – верны.

Социология – вещь очень хитрая, если не сказать изощренная. Сама постановка вопроса здесь кардинально влияет на результат. Не говоря уже об интерпретации результата.

Вот недавно был проведен опрос среди русских людей: кого бы вы поддержали в схватке исламистов – ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта) или Талибан? 90 % респондентов ответили: Талибан. Этот итог можно при желании интерпретировать так: подавляющее большинство россиян – сторонники талибов.

И с точки зрения социологической формы не подкопаешься. Но, как говорил в подобном случае наш вчерашний юбиляр В.И.Ленин, по форме – все правильно, а по сути – издевательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.